

Любова Е. Ю. Мифологема «русалка» в говорах Нижегородской области / Е. Ю. Любова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 110—119.

УДК 811.161.1'282.2(470.341):398.432

Мифологема «русалка» в говорах Нижегородской области

© Любова Елена Юрьевна (2015), кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), l.yubowa@yandex.ru.

Рассматривается мифологема «русалка» в системе образов, представленной в говорах Нижегородской области, определяется ее место в системе мифологических представлений названного региона. Выполняется анализ записей диалектной речи. Уделяется внимание таким признакам, составляющим содержание данной мифологемы, как локативная характеристика (место обитания персонажа); экзистенциальная характеристика (внешний облик); функциональная характеристика (специфические действия, занятия, функции персонажа); акциональная характеристика (отношение к человеку); реляционная характеристика (связи с другими мифологическими персонажами). Делается вывод о том, что в говорах Нижегородской области этот образ народной мифологии является полифункциональным, обладающим внутренней и внешней полифункциональностью. Доказывается, что в анализируемой мифологеме «русалка» обнаруживается проявление одного из феноменов народной духовной культуры — христианско-языческого синкретизма, под которым понимается переплетение, совмещение, взаимодействие языческих и христианских традиций в мировосприятии, праздниках и обычаях сельского жителя. Новизна исследования состоит в том, что традиционный для народной мифологии образ русалки впервые рассматривается на новом региональном материале: говорах отдельно взятого региона России — Нижегородской области. Актуальность работы обусловлена тем, что в связи с изменением общей ситуации в гуманитарной науке сегодня вновь уделяется внимание народным обрядам, легендам, языческим верованиям, заговорам, духовным стихам — всему тому, в чем отразилось своеобразие языковой картины мира русского человека.

Ключевые слова: мифологема «русалка»; нижегородские говоры, региональная мифологическая лексика; мифологический персонаж.

1. Вводные замечания

В сложившихся сегодня социально-исторических условиях внимание многих исследователей как никогда привлекают вопросы национального духовного становления и развития, мировосприятия, народной культуры, традиций, быта, истоки которых находятся в далеком прошлом этноса. «Какие образы, представления, знания того или иного этноса как, каким образом выражаются в языке — это одна из наиболее серьезных проблем этнолингвистики, решить которую можно только общими усилиями этнографов, лингвистов, этнопсихологов» [Герд, 2005, с. 60]. Изучение мифологии как составляющей духовной культуры народа является междисциплинарной задачей. В современной науке понятие мифа входит в круг интересов не только философов, историков, эт-

нографов, но и этнолингвистов, историков языка, фольклористов, диалектологов. В настоящее время изучение мифологии тесно связывается с анализом конкретного языкового материала, поэтических форм творчества, фольклора.

Как известно, в XIX—XX веках прогресс цивилизации повлек за собой, в частности, активный распад системы народных верований, древнейших мифологических представлений и образов. Одним из следствий этого стало превращение мифологической лексики в периферийную лексическую микросистему. По мнению современных исследователей, «существует определенная диспропорция в интенсивности исчезновения мифологических представлений, мифологического взгляда на действительность в целом и мифологической лексики. <...> значительно меньше интенсивность распада мифологической лексики, чем мифологических представлений» [Черепанова, 2005, с. 85—86]; причем из всего состава мифологической лексики лучше всего сохраняются наименования персонажей.

В системе образов народной мифологии одно из центральных мест занимает русалка — персонаж, обитающий в воде. Огромное значение водной стихии люди отчетливо осознавали еще на заре человеческой истории. Это подтверждает не только мифология всех народов, но и философские системы древних, которые установили незыблемый принцип: как без огня нет культуры, так и без воды не может быть жизни [подробнее об этом см.: Кузьмичев, 1990, с. 137]. (Об отражении культа огня в нижегородской мифологической лексике см.: [Любова, 2013, с. 43—44].) В соответствии с таким пониманием роли воды языческие народы обоготворяли эту стихию как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия — земля. У славян особенно почитались обитающие в водной стихии русалки — женские духи рек, озер и других водоемов.

В нижегородских говорах содержание мифологемы «русалка», по нашим данным, организуют следующие основные составляющие: место, сфера обитания; внешний облик; специфические действия, занятия; отношение к человеку; связи с другими мифологическими персонажами.

2. Семантическое наполнение мифологемы «русалка»

Местом обитания русалок являются различные водоемы, причем в нижегородских говорах считается, что русалки обитают обычно в чистой воде — в реках, озерах и т. п.: *В реке русалка живёт. Говорят, больно уж она красива: хвост большой у ней и блестит, волосы длинные. Она мужиков к себе зазывает, вот они и тонут* (с. Лопатино Лукояновского р-на); *Говорят, русалки в озере живут* (д. Драчиха Нянгининского р-на). Вода как сфера обитания объединяет довольно много мифологических персонажей — в говорах Нижегородской области это, кроме русалки, еще и *водяной, водяная, водяница, кикимора, касатка, лешиха, молдаванка* и некоторые другие. Но в рассказах информаторов места пребывания данных персонажей и русалки чаще всего дифференцированы,

сравним: *Водяной-то в бродах живёт, косматый, холодный, зелёный, в тине. А русалки-ти в озёрах* (с. Мотовилово Арзамасского р-на); *В реках русалки живут, а в болотах и в озере — водяной* (с. Заречное Арзамасского р-на); *Знаю, что водяной сидит в болоте, а русалка — в реке* (с. Ветошкино Арзамасского р-на); *Кикимора... живёт в болоте или пруду — Русалки по ночам у реки плачут* (д. Полупочинки Дивеевского р-на) и др.

В некоторых региональных номинантах этой группы место обитания персонажа (вода) выступает в качестве мотивировочного признака (первичного или вторичного), например: **болотница** — *Люди бают, что болотница космата, страшна, зелёна. В болоте всё время сидит, выходит только ночью* (п. Разино Лукояновского р-на); **болотник** — *Болотник в болоте живёт, кто попадёт туда — из воды не выпустит* (с. Сеченово Сеченовского р-на); **водяниха** — *В воде-то водяниха живёт* (с. Круглово Ардатовского р-на); **кикимора болотная** — *Кикимора болотная в болоте есть, она людей пугает, воет* (д. Драчиха Княгининского р-на); **водяная кикимора** — *В болоте тоже кто-то был... Водяная кикимора что ли* (с. Балахна Перевозского р-на) и др.

Показательно, что и одна из версий, объясняющих происхождение названия *русалка*, связывает его с местом обитания этого мифологического персонажа — с рекой, ее руслом. Об этом свидетельствуют и материалы нижегородских говоров, например: *Русалкой её потому и зовут, что руслая — в реке живёт* (с. Елховка Шатковского р-на). Некоторые исследователи полагают также, что слово *русалка* восходит к латинскому *rosalia*, означавшему праздник весны, плодородия и розы как символа цветущей жизни [см. об этом: Черепанова, 1983, с. 147].

Одним из определяющих признаков мифологического персонажа является его «внешность». Русалка относится к числу немногих региональных мифологических образов, за которыми народная фантазия закрепила четко определенный внешний облик: полуженщина-полурыба, с длинными красивыми волосами и рыбьим хвостом вместо ног. Такой традиционный «портрет» сохранился и в памяти нижегородских информаторов, например: *Русалки-ти в озёрах живут. Они волосаты, волосы-ти кудрявы, с рыбьим хвостом, в чешуе, чешуя-то блестит, с голыми грудями, а тело-то всё в бородавках* (с. Мотовилово Арзамасского р-на); *Русалки вроде как женщины, только ног нету, на их месте хвост* (с. Новый Усад Арзамасского р-на); *Люди говорят, что у русалки волосы длинные, а ног нету, только хвост* (п. Разино Лукояновского р-на); *Русалки вроде в воде плавают, как рыбы они, только человеческой облик. Человек это, только с хвостом, вместо ног-ти рыбий хвост...* (с. Абрамово Арзамасского р-на) и т. п.

Полиморфный облик русалки (получеловек-полурыба), вероятно, обусловлен в том числе и приписываемыми ей мифологическим мышлением связями с человеком. Как известно, в народе с русалками связаны представления о погибших в воде девушках или женщинах. Данные нижегородских говоров под-

тверждают эту информацию, например: *Девки утопшие русалками звались, у них рыбки хвосты отрастали* (д. Рузаново Дивеевского р-на); *Русалок вроде нет, но, говорят, это те же утопленницы — в воде они живут, а некоторые на ветвях в лесу сидят. Это просто дух такой — русалка* (д. Туркуши Кулебакского р-на); *Русалка — это девушка молодая, утопленница. Утонул кто, того дух в воде и живёт... Кто ночью купается, того она в омуты тащит* (д. Березовка Лукояновского р-на); *Говорят, что русалки-то — это молодые девушки, что утонули. Одиноко им, вот они ищут себе пару. Они больно любят молодых парней, всё их к себе заманивают* (с. Мадаево Починковского р-на) и т. д.

Наши предки верили также в возможность брачных союзов человека с мифическими персонажами, например, с той же русалкой. Свидетельства об этом сохранились в нижегородских говорах. Так, в диалектной системе с. Ревезень Перевозского р-на функционирует микропоним *Комарово озеро*, происхождение которого местные старожилы объясняют следующим образом: *Прапрадед Комарова в этом озере русалку нашёл и женился на ней, вот озеро Комаровым и назвали*.

В нижегородских говорах персонажи народной мифологии организованы в систему, которая имеет антропоцентрическое строение. Антропоцентризм проявляется, например, в том, что взаимоотношения и связи, присущие человеческому обществу, мифологическое мышление перенесло и на мифологические образы. В систему образов нижегородской мифологии русалка включается, в частности, через «родственные» и «брачные» связи с другими персонажами, например: *Русалка — это водяного дочь* (с. Григорово Большемурашкинского р-на), *Русалка-то — дочь водяного, утопленница она* (ст. Ужовка Починковского р-на), *Русалка — это дочка кикиморы* (с. Лопатино Сергачского р-на), *Русалка и кикимора — сёстры, в воде живут, пугают всех, песни поют и волосами беду треплют* (с. Азрапино Починковского р-на), *Может, русалка водяному-то жена, раз вместе живут в воде, чёрт их знает. Стары люди, может, и выдумали всё* (с. Ковакса Арзамасского р-на).

В говорах Нижегородской области значимыми мотивами в семантическом наполнении мифологемы «русалка» являются родительское проклятье и похищение детей нечистой силой — в результате этих действий ребенок или девушка превращаются в русалку: *А русалки — это и есть проклятые девки, они в реке живут, могут человека утопить* (с. Большая Арать Гагинского р-на); *Так ведь в воде русалки живут. Они по ночам выходят на берег и сидят на нём, песни поют. Они, говорят, голы совсем, волосы у них длинные. Говорят, что русалки-то — это дети прокляты* (с. Ново-Еделево Гагинского р-на); *Русалки с человеком связаны. Это девушки, которых матеря прокляли. Они ночью на берег ложатся и плачут — тоскуют, значит... Русалок, когда они ещё маленькими бывают, нечиста сила забирает из дома, а родителям полено ложит, оборотня. Для них он ребёнок, а так полено — не растёт и плачет всё время* (п. Сарма Вознесенского р-на) и т. п.

В нижегородских говорах мотив похищения детей нечистой силой оказывается семантически емким: проклятые матерью дети, похищенные из родительского дома нечистой силой, превращаются в русалок, а русалки — уже как нечистая сила — сами могут украсть ребенка, сравним: *У нас видели, как русалки детей воровали, которых мать прокляла. Из зыбки даже утаскивали... Ну, как русалка-то выглядит, чай, космы у ней большие, сама нечёсана. Они людям не вредят, могут только дитя унести* (с. Теплово Кулебакского р-на).

Исследователи славянского язычества полагают, что у славян долго держалось представление о духах, творящих как добро, так и зло как бы непреднамеренно, стихийно [подробнее об этом см.: Кузьмичев, 1990, с. 199]. Это подтверждает, в частности, мифологема «русалка»: поскольку образы русалок связаны в основном с девушками-утопленницами и детьми, то и вред, который они причиняют людям, причиняют словно неразумные дети, как бы играя, не осознавая, что есть добро и что есть зло.

3. Отражение христианско-языческого синкретизма в мифологеме «русалка»

Традиционно сферой обитания русалок, как мы уже отмечали, считалась вода, но наши предки верили также, что весной русалки выходят из воды на берег, поселяются в лесах, на лугах, водят там хороводы, качаются на ветвях деревьев, расчесывают свои длинные волосы, поют песни, заманивают к себе прохожих и стараются защекотать их до смерти. Эта информация сохранилась и в нижегородских говорах, например: *Русалки живут в воде, но иногда, когда всё цветёт, они странствуют на берегах своих рек, в лесах да рощах. Сидят на ветках дубов, качаются, пряжу прядут... Русалки молодые да красивы. Иногда они заводят красивых парней и девок в лес, а там защекочивают их до смерти* (с. Никулино Лукояновского р-на); *Рассказывали, русалки утягивали в воду, с собой заманивали. Понравится русалке человек, она его заманит, и он вроде как утонет, а по приметам — русалка его затянула* (с. Абрамово Арзамасского р-на); *В реке русалка живёт. У нас бают, она сама топит тех, кто ей нравится* (с. Азрапино Починковского р-на) и т.п.

Как известно, сосуществование мифологического и христианско-религиозного мировоззрений привело к тому, что мифологическое мировоззрение частично перешло в ранг суеверий, а частично слилось с христианством. Характерно, что языческий праздник в честь русалок совершался одновременно с праздником весны, когда деревья покрывались листьями, в христианскую же эпоху он был приурочен к Троицыну и Духову дням [подробнее об этом см.: Афанасьев, 1995, т. III, с. 72]. В народе считалось, что русалки выходят из воды на берег не вообще весной, а в так называемую русальную неделю, следующую за Троицей, сравним: *Русалки появляются в русальную неделю, кажется, к Троице близко. Тогда человек может в поле увидеть, как девки, эти русалки, хоровод водят, загадки загадывают. Если не отгадаешь, то они могут человека насмерть защекотать. А то могут в хороводе закружить иль просто*

убежать (с. Ветошкино Арзамасского р-на). Вышедшие из воды русалки выбирали себе для жительства плакучие березы, поэтому деревенские девушки обязательно ходили «завивать березки», чтобы задобрить русалок. Кроме того, на деревья женщины вешали пряжу, полотенца, нитки, а девушки — венки.

В рассказах жителей Нижегородской области содержится информация об этих древних обычаях (с ретроспективными маркерами *бывало, раньше, помню* и т. п.), но то, что изначально они были связаны с русалками, уже, очевидно, забыто: *Завивали берёзку у нас на Троицу. Бывало, веток наломашь и домой тащишь, принесём и дом украшать будем. И у всех так. А вечером вся молодёжь собиралась, и мы гуляли, чай, праздник был* (с. Большая Арать Гагинского р-на); *Вот это на Духов день завивали берёзки, вот её топят в речке — вот это завивать берёзки. Это любой человек мог, да хоть ты делай — наряди да иди пляши, а потом в речку. Такой обычай, наверно* (д. Марьино Вознесенского р-на); *На Троицу незамужни девушки ходили в лес, завивали там берёзку молодую, украшали лентами, плели из её венки...* (с. Никольское Арзамасского р-на); *Помню, накануне Троицы мы берёзку завивали, а для чего это делали, не знаю. Матери нам внушали, что надо делать, вот мы и делали, поверье у нас такое было, обычай* (с. Стрелка Вадского р-на) и т. п.

Исследователи полагают, что понятия и образные представления язычества, изгнанные христианством из сферы религии в область сказок и суеверий, не исчезли в ней, а внедрились в народный быт, сельские праздники, занятия, обычаи и язык. Русь христианская, по словам А. Г. Кузьмина, «соединилась с языческой, как бы продолжая ее» [Кузьмин, 1988, с. 227].

4. Полифункциональность мифологического образа «русалка»

Исследователи полагают, что в более позднее время процессы распада и трансформации мифологических образов происходят активнее и быстрее, чем в предшествующие эпохи; в связи с этим «в ретроспективной этнолингвистике особенно актуальной становится задача идентификации персонажей» [Черепанова, 2005, с. 89]. Это утверждение справедливо и по отношению к анализируемой нами мифологеме. Так, в нижегородских говорах с номинантой *русалка* коррелируют следующие денотаты: 1) «женский персонаж в воде» (диалектные контексты см. выше); 2) «женский персонаж в лесу» — *Русалки-то в лесу живут, людей к себе заманивают* (с. Княжиха Пильнинского р-на); 3) «дух, заманивающий человека в лес» — *Мужика-то моего чуть русалка в лес не заманила* (с. Суроватиха Дальнеконстантиновского р-на); 4) «персонаж, появляющийся в полночь» — *Ночью русалки в окошко ветками стучат, людей пугают* (д. Ключищи Шатковского р-на); 5) «женский персонаж в огороде» — *В огороде тоже, бают, русалки живут, в грядках прямо. Косматы они, пальцы-ти длинные — как схватят, уж не вырвешься* (с. Ковакса Арзамасского р-на). Данный факт можно квалифицировать как трансформацию отдельных мотивов в самостоятельные мифологические образы — при сохранении од-

ного традиционного наименования. С другой стороны, в подобных случаях можно говорить об одном, но полифункциональном мифологическом образе.

На наш взгляд, в отношении мифологических персонажей логично различать полифункциональность внутреннюю и внешнюю. Внутренняя полифункциональность может быть свойственна персонажу, зафиксированному в одной и той же локальной традиции. Так, *русалка* в говоре с. Княжиха Пильнинского района — это «персонаж в воде» и «персонаж в лесу», в говоре с. Ковакса Арзамасского района — «персонаж в воде» и «персонаж в огороде», в говоре д. Ключищи Шатковского района — «персонаж в воде» и «персонаж, появляющийся ночью». Следовательно, в каждом из названных говоров русалка является полифункциональным мифологическим образом, с внутренней полифункциональностью. Внешняя полифункциональность персонажа обнаруживается в результате лингвистического анализа, сопоставления мифологических образов, которые выявлены в разных региональных микросистемах. По нашим данным, многие нижегородские мифологические образы одновременно обладают и внутренней, и внешней полифункциональностью, что и демонстрирует, в частности, мифологема «русалка».

5. Выводы

Таким образом, анализ мифологемы «русалка», функционирующей в говорах Нижегородской области, позволяет нам утверждать, что в данной группе говоров сохранилась достаточно полная информация об этом мифологическом персонаже, а содержание самой региональной мифологемы, в которой отразились особенности мировосприятия наших предков, связанные с древним языческим прошлым, обладает семантической и этнолингвистической многоплановостью.

Литература

1. *Афанасьев А. А.* Поэтические воззрения славян на природу : в 4 томах / А. А. Афанасьев. — Москва : Современный писатель, 1995. — Т. I—IV.
2. *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 1998. — 240 с.
3. *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции / Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор : духовная культура Полесья на общеславянском фоне / ред. Н. И. Толстой. — Москва : Наука, 1986. — С. 88—133.
4. *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 457 с.
5. *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии : умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. — Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1916. — 312 с.
6. *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна : становление христианства на Руси / А. Г. Кузьмин. — Москва : Молодая гвардия, 1988. — 240 с.
7. *Кузьмичев И. К.* Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть / И. К. Кузьмичев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 301 с.
8. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 620 с.

9. Любова Е. Ю. Языковое выражение мифологических представлений в говорах Нижегородской области / Е. Ю. Любова // Приволжский научный вестник. — 2013. — № 8-2 (24). — С. 42—45.

10. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. — Москва : Книга, 1989. — 176 с.

11. Михаил З. Этнолингвистические методы в изучении народной духовной культуры / З. Михаил // Славянский и балканский фольклор : реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы / ред. Н. И. Толстой. — Москва : Наука, 1989. — С. 174—192.

12. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. — Москва : Наука, 1982. — 198 с.

13. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. — Москва : Наука, 1975. — 191 с.

14. Потебня А. А. О происхождении названий некоторых славянских языческих божеств / А. А. Потебня // Славянский и балканский фольклор : реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы. — Москва : Наука, 1989. — С. 254—268.

15. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. — Москва : Правда, 1989. — 624 с.

16. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники : опыт историко-этнографического исследования / В. Я. Пропп. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1963. — 144 с.

17. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1981. — 607 с.

18. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX вв. / С. А. Токарев. — Москва — Ленинград : Издательство АН СССР, 1957. — 164 с.

19. Толстой Н. И. Фрагмент славянского язычества : архаический ритуал-диалог / Н. И. Толстой // Славянский и балканский фольклор. — Москва : Наука, 1984. — С. 5—72.

20. Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике / О. Н. Трубачев // Вопросы славянского языкознания. — Выпуск 4. — Москва : Издательство АН СССР, 1959. — С. 130—139.

21. Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове / О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 331 с.

22. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера / О. А. Черепанова. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. — 168 с.

23. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества / Д. О. Шеппинг. — Москва : Терра, 1997. — 240 с.

“Mermaid” Mythologeme in Nizhny Novgorod Region Dialects

© Lyubova Yelena Yuryevna (2015), PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia), l.lyubowa@yandex.ru.

The “mermaid” mythologeme in the system of images presented in the dialects of the Nizhny Novgorod region is considered, its place in the system of the mythological beliefs of the mentioned region is determined. The dialectal speech recordings are analysed. The attention is paid to the features that constitute the content of this mythologeme such as locative characteristics (character’s habitat); existential characteristics (its appearance); functional characteristics (character’s specific actions and functions); actional characteristics (relation to a man); relational characteristics (relation to other mythological characters). It is concluded that in Nizhny Novgorod region dialects this character of the

popular mythology is multifunctional, having both internal and external multifunctionality. It is proved that in the analysed "mermaid" mythologeme the manifestation of one of the phenomena of folk spiritual culture is revealed — a Christian-pagan syncretism, which refers to the interweaving, combination, interaction of pagan and Christian traditions in the worldview, holidays and customs of the rural population. The novelty of this research is that traditional for the popular mythology image of a mermaid is for the first time considered on new regional material: dialects of a certain Russian region — Nizhny Novgorod region. The relevance of the work is determined by the fact that in connection with the change of general situation in the Humanities today, the attention is once again paid to the folk rites, legends, pagan beliefs, charms, spiritual verses — all things that have reflected the peculiarity of the Russian language picture of the world.

Key words: "mermaid" mythologeme; Nizhny Novgorod dialects; regional mythological lexis; mythological character.

References

- Afanas'yev, A. A. 1995. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu*: v 4 tomakh. Moskva: Sovremennyy pisatel'. T. I—IV. (In Russ.).
- Cherepanova, O. A. 2005. *Kulturnaya pamyat' v drevnem i novom slove*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 331. (In Russ.).
- Cherepanova, O. A. 1983. *Mifologicheskaya leksika russkogo Severa*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 168. (In Russ.).
- Gerd, A. S. 2005. *Vvedeniye v etnolingvistiku*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 457. (In Russ.).
- Kuzmichev, I. K. 1990. *Lada, ili Povest' o tom, kak rodilas' ideya prekrasnogo i otkuda Russkaya krasota stala est'*. Moskva: Molodaya gvardiya. 301. (In Russ.).
- Kuzmin, A. G. 1988. *Padeniye Peruna: stanovleniye khristianstva na Rusi*. Moskva: Molodaya gvardiya. 240. (In Russ.).
- Losev, A. F. 1957. *Antichnaya mifologiya v yeyo istoricheskom razvitii*. Moskva: Uchpedgiz. 620. (In Russ.).
- Lyubova, E. Yu. 2013. Yazykovoye vyrazheniye mifologicheskikh predstavleniy v govorakh Nizhegorodskoy oblasti. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 8-2 (24): 42—45. (In Russ.).
- Maksimov, S. V. 1989. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila*. Moskva: Kniga. 176. (In Russ.).
- Mikhail, Z. 1989. Etnolingvisticheskiye metody v izuchenii narodnoy dukhovnoy kultury. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: rekonstruktsiya drevney slavyanskoy dukhovnoy kultury: istochniki i metody*. Moskva: Nauka. 174—192. (In Russ.).
- Osovetskiy, I. A. 1982. *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov*. Moskva: Nauka. 198. (In Russ.).
- Pomerantseva, E. V. 1975. *Mifologicheskiye personazhi v russkom folklоре*. Moskva: Nauka. 191. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. 1989. O proiskhozhdenii nazvaniy nekotorykh slavyanskikh yazycheskikh bozhestv. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: rekonstruktsiya drevney slavyanskoy dukhovnoy kultury: istochniki i metody*. Moskva: Nauka. 254—268. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. 1989. *Slovo i mif*. Moskva: Pravda. 624. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. 1963. *Russkiye agrarnyye prazdniki: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 144. (In Russ.).

- Rybakov, B. A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavyan*. Moskva: Nauka. 607. (In Russ.).
- Shepping, D. O. 1997. *Mify slavyanskogo yazychestva*. Moskva: Terra. 240. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. 1957. *Religioznye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov XIX — nachala XXvv*. Moskva — Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 164. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. 1984. Fragment slavyanskogo yazychestva: arkhaischeskiy ritual-dialog. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiy i balkanskiy folklor*. Moskva: Nauka. 5—72. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 1959. Sledy yazychestva v slavyanskoy leksike. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 4: 130—139. (In Russ.).
- Vendina, T. I. 1998. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)*. Moskva: Indrik. 240. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. 1986. Mifologicheskiy aspekt poleskoy «rusal'noy» traditsii. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: dukhovnaya kultura Polesya na obshcheslavyanskom fone*. Moskva: Nauka. 88—133. (In Russ.).
- Zelenin, D. K. 1916. *Ocherki russkoy mifologii: umershiye neyestestvennoy smertyu i rusalki*. Petrograd: Tip. A. V. Orlova. 312. (In Russ.).